

A man and a woman are shown in a tango pose. The man is wearing a black shirt and dark pants, and the woman is wearing a long, flowing red dress. They are standing on a wooden floor. In the background, there is a large, faint target symbol. A bright light source in the top left corner creates a starburst effect.

Марина Крамер

МАРГО. ЛЮБЛЮ — НЕНАВИЖУ

ТАНГО ПОД ПРИЦЕЛОМ

Танго под прицелом

Марина Крамер

Марго. Люблю-ненавижу

«Марина Крамер»

2023

Крамер М.

Марго. Люблю-ненавижу / М. Крамер — «Марина Крамер»,
2023 — (Танго под прицелом)

ISBN 978-5-699-87553-5

С детства Маргариту преследуют страх, чувство незащищенности и роковые неудачи. Сначала жестокая деспотичная мать, которая ее презирала и третировала. Потом муж, о чьей профессии – наемный убийца – она узнала случайно. Казалось бы, теперь, когда у Марго появилась настоящая и единственная подруга Мэри, мир заиграл яркими красками. Но и этот кусочек счастья хочет у нее отнять безжалостная судьба. Муж Мэри – уважаемый человек, а на деле мошенник и убийца – жестко контролирует непокорную супругу, не пуская ее никуда, даже к Марго, не представляющей свою жизнь без их дружбы. И готовой отдать Мэри все. Даже любимого мужчину...

ISBN 978-5-699-87553-5

© Крамер М., 2023
© Марина Крамер, 2023

Марина Крамер

Люблю – ненавижу

Огромное спасибо моей Neris за неоценимую помощь в работе.

«Куда... ну куда мне спрятать эту скрипку? Я не хочу – не хочу...»

Громкий голос из глубины квартиры заставляет шестилетнюю зеленоглазую девочку с тугими каштановыми косичками вздрогнуть и прижаться к груди футляра.

– Где ты застряла? Я знаю, что ты дома. Иди сюда сейчас же.

Страшнее не может быть ничего... Этот голос, порой напоминающий скрежет металла, принадлежит человеку, которого шестилетняя Марго любит и одновременно боится до ужаса, до дрожи в коленках, до противных мурашек по спине. Голос матери.

На девочку наваливается оцепенение, она никак не может справиться с собой, сдвинуться с места и сделать хоть какое-то движение – так и стоит посреди просторной детской, прижав к груди футляр с маленькой скрипочкой. Шаги в коридоре – и на пороге возникает ОНА. Крупная, с чуть раскосыми глазами, яркая и вызывающе красивая, с татарскими чертами лица, облаченная в длинный шелковый халат, расписанный змеями и драконами. Дымится сигарета в длинном мундштуке.

– Марго, ты оглохла? В чем дело?

Девочка опускает голову.

– Что?! Ты провалила экзамен, дрянь?! Руки на стол!

– Мама... мамочка, пожалуйста, ну не надо... я все выучу...

– Я сказала – руки на стол, неблагодарный выродок! Я трачу время и деньги на репетиторов, а ты, бестолочь, этого не ценишь!

Сигарета летит в стоящую на столе вазу, а в руках у женщины оказывается тяжелая линейка. Она со свистом опускается на тонкие пальчики девочки, нервно вздрагивающие на краю полированной столешницы. Марго не плачет – это бесполезно, это только сильнее раздражает мать... Линейка взлетает и опускается до тех пор, пока столешница не становится мокрой, а руки шестилетней Марго – красными от крови...

Я вскидываюсь на влажной постели от собственного крика – господи, опять... Опять этот кошмарный сон...

Москва, начало двухтысячных

Меня зовут Маргарита. Но практически никто не пользуется этим именем – в том числе и я сама. Марго – так я называю себя с детства, сколько помню. Только муж никак не воспринимает – зовет Ритой. Восемь лет пытаюсь отучить – все зря.

– Ты не собака, чтобы носить кличку. У тебя прекрасное имя, – безапелляционно заявляет Рома, и я умолкаю. Не хочу лишний раз ссориться.

К чему это я сейчас? Не знаю... наверное, когда вспоминаешь что-либо глобальное, будто специально всегда приходят разные мелочи, мешающие основному, сбивающие с толку и не дающие выстроить логичную картину мира. Мне бы удивляться и радоваться, что предаюсь воспоминаниям, сидя в уютном плетеном кресле на веранде собственной дачи, а не в тюремной камере на жестких нарах...

Чаще всего почему-то на память приходит детство. Вот вы любите детские годы? Наверняка – ведь именно тогда в жизни происходило все самое хорошее, светлое и доброе. У меня же... не знаю. Сказать, что я была несчастна, не могу – все-таки не каждому выпало то, что мне, но и особых положительных эмоций во мне не рождается. Оттуда, из детства, вырастают и все наши комплексы и проблемы, я в этом убеждена.

Я не стала великой скрипачкой, известной фигуристкой, и даже любовь к теннису куда-то улетучилась с возрастом. Зато моя профессия куда как более в духе времени. Я – GR, то есть Government Relations. Если кратко и по-русски – посредник, оказывающий фирмам услуги по связям с чиновниками разных рангов. Проще говоря, помогаю им «дружить» с властью за определенную сумму. Объектом деятельности являются разовые услуги – типа получения крупных кредитов, например, или разрешительных документов на строительство. Я получаю за это процент от сделки – и все довольны. Но в последнее время такие специалисты, как я, перестали работать «точечно» и с разными конторами. Мы просто «садимся на зарплату» в крупную фирму и решаем только ее вопросы. Но я не ишу легких путей. Мы с Ромой решили начать свой бизнес на этом поприще. «С Ромой» – громко сказано, занималась этим в основном я, потому что муж имел серьезную и ответственную работу в газете и не мог целиком посвятить себя семейному делу. Однако его связи помогали мне в развитии и совершении удачных сделок. Зарабатывала я прилично, многое могла себе позволить и позволяла.

Но разовые сделки меня уже не устраивали – мне хотелось чего-то большего, какого-то крупного заказа, который позволил бы заработать хорошие деньги и исполнить наконец свою мечту – уехать жить в Испанию. О, это моя страсть – Испания... Я непременно расскажу, почему именно эта страна запала в сердце. Рома, кстати, вполне разделял мои устремления и помогал в осуществлении мечты как и чем только мог. Это он сводил меня с нужными людьми, подсказывал, направлял и давал дельные советы. Бедный Рома... только ему по плечу оказалось вынести меня со всеми моими странностями и комплексами...

Мой ночной кошмар зовут Алексом. Он приходит ко мне каждый вечер ровно в одиннадцать и не выпускает, пока я не падаю в изнеможении на подушку, захлебываясь слезами, пока не попрошу: «Отпусти... отпусти меня, пожалуйста, я буду такой, как ты хочешь». Тогда он оставляет меня в покое, закуривает и, прищурившись, наблюдает из темного угла за мной, за тем, как я вытираю влажный от пота лоб, как облизываю пересохшие губы, как перевожу дыхание и пытаюсь унять противную мелкую дрожь во всем теле. Он смотрит так пристально, что у меня возникает ощущение, будто видит все насквозь, каждый нерв, каждую клеточку. Он умеет читать мои мысли, предугадывать мои поступки, он всегда знает, что и когда произойдет со мной. Меня это уже не пугает, не расстраивает – я привыкла. Более того – я уже не могу без этого. Алекс – не демон. Он – мой ангел. Ангел, который дает мне силы жить и не сойти с ума. Он всегда оказывается рядом в момент, когда я особенно в этом нуждаюсь, когда мне больно и плохо, когда я растеряна, расстроена, больна – в любую трудную минуту. Мне не нужно для этого звонить ему или как-то связываться. Он всегда приходит сам. Я могу вернуться вечером с работы, открыть дверь и обнаружить его сидящим на диване с сигаретой. Могу выйти из лифта и оказаться у него на руках. Могу бежать по улице, погруженная в свои мысли, и неожиданно уткнуться лицом в его грудь. Он такой. Он всегда знает, где я и с кем, что делаю, о чем думаю. Он готов ради меня на все. Но именно Алекс сделал мою жизнь такой, какая она есть. Он сломал меня, молодую и наивную дурочку с распахнутыми глазами. Внушил многие вещи, от которых я теперь стараюсь избавиться – и не могу. Сейчас он просто чувствует свою вину и ответственность за меня, и поэтому он всегда рядом – даже если физически находится совершенно в другом месте.

Я не знаю, как все было бы, если бы не он. И не хочу знать, потому что при всех неприятностях и ужасах моего нынешнего существования я ни за что не смогла бы отказаться от всего того, что было у меня с ним. Целый год, давно-давно, кажется, в другой жизни, я была так счастлива, что все остальное выглядит блеклым и вылинявшим, утерявшим первозданный вид. За год, что я провела с ним, я была бы готова отказаться от многих вещей – да, пожалуй, от всех. Потому что Алекс... чертов эмпат, копающийся в моем мозгу, дал мне такое нереальное счастье, что выпадает в жизни лишь единицам. Но, несмотря на это, я никогда не прошу его

за то, что он сделал с моей душой. Никогда. Он знает и не пытается оправдаться. Он вообще никогда не оправдывается – он всегда прав. Непогрешимо, бесповоротно. Не могу сказать, что люблю его – нет. Но он – мой. А я – его. Его – даже если учесть, что я давно и относительно без проблем замужем, а мой муж – очень уважаемый человек. Но это другое. Это скорее якорь, возможность не погрузиться в безумие. Стабильность, надежность и чувство уверенности. Он любит меня, прощает мне такое, что другим и не снилось, оберегает меня и понимает. Но он – не Алекс. Он чудесный, спокойный, умный и надежный – но не Алекс.

Когда-то давно

Я бежала на тренировку по заснеженной Москве, стараясь не поскользнуться и не упасть. Спортивная сумка хлопала по боку, но я не обращала внимания – только бы успеть, не опоздать, иначе Ольга Петровна непременно позвонит матери и расскажет о нарушении режима, а это чревато очередным скандалом. Как раз сегодня в школе решили устроить генеральную репетицию предстоящей встречи с гостями из Англии. Я училась в специализированной школе с английским уклоном, очень престижной и элитной, попасть туда было сложно, но благодаря обнаружившимся способностям я без труда выдержала вступительные испытания. Нагрузки были аховые, уроков задавали столько, что приходилось сидеть с учебниками повсюду – по дороге на тренировку, с тренировки, в перерывах между занятиями и даже дома до глубокой ночи. Кроме того, я серьезно занималась теннисом, участвовала в соревнованиях и часто уезжала на сборы. Свободного времени не было совсем, ни о каких походах в кино или просто о прогулках с подружками не велось и речи – мать жестко следила за соблюдением режима и всякий раз наказывала за малейшие промахи. Мне уже в ту пору казалось, что мать мстит мне за развод с отцом. Уже в тринадцать лет я считала, что отец просто спасал свою жизнь и здравый рассудок, а потому и ушел из семьи, не вынеся постоянных придировок и скандалов. Мы часто виделись с ним, ездили отдыхать с его новой семьей, и всякий раз это вызывало у матери неконтролируемые приступы ярости. Но к тому времени я уже научилась не реагировать, отстраняться и не слушать оскорблений в свой адрес. Открытая и доброжелательная от природы, дома я превращалась в затравленного зверька, забивающегося в угол при звуке громкого голоса. «Папочка, пожалуйста, заberi меня к себе, – просила я, сидя с ногами на подоконнике за тяжелой темно-красной портьерой среди любимых матерью фиалок. – Я буду нянчить твоих детей, буду убирать квартиру, чтобы это не приходилось делать Ларисе, я буду самой послушной – только заberi».

Отец даже не догадывался о том, что происходит в его бывшей семье, – я никогда не жаловалась ему, никогда ничего не рассказывала, а в ответ на вопрос «как дела?» только пожимала плечами и бросала расплывчатое: «Все в порядке, папа».

... На тренировку я успела, забежав в зал буквально за минуту до начала. Во время занятий мне удавалось забыть о своих проблемах, отвлечься от них и целиком отдаваться любимому делу. Тренер была довольна успехами – в тринадцать лет я подавала большие надежды и даже выиграла пару довольно престижных турниров в стране. Однако после тренировки нужно снова идти домой – туда, где ничего, кроме крика и недовольства, меня не ждало.

Я любила мать и всякий раз пыталась найти оправдание ее поступкам. Я понимала, что одной, без мужской поддержки и внимания, тяжело, что она устает на работе, что старается дать мне все лучшее. Но порой так не хватало простой возможности сесть рядом на диван и рассказать что-то о школьной жизни, о тренировках, да просто прочитать, наконец, свои стихи, которых было написано уже две толстые тетради в клетку. Мать, холодная, неприступная, не давала такой возможности, и я довольствовалась одинокими посиделками на любимом подоконнике в детской.

Москва, начало двухтысячных

Свою «крупную рыбу» я все-таки выловила. Это случилось в Каннах, куда Рома взял меня с собой на выставку для профессионалов рынка недвижимости. Он даже согласился везти меня туда за свой счет, так как считал, что это полезно для завязывания знакомств и более тесного неформального общения с чиновниками и профессионалами в области недвижимости. Рома, правда, не подозревал, что уже давно я выдаю себя за свободную женщину, потому что интуиция подсказывала мне, что так полезнее для бизнеса и завязывания знакомств – броская внешность сразу притягивала ко мне мужчин разных калибров, а тот факт, что я замужем, не всегда способствовал контакту. Нет, я не спала с потенциальными клиентами направо и налево, но от легкого флирта не отказывалась. Свою близость к Роме я оправдывала в глазах посторонних тем, что мы якобы брат и сестра – благо отчество у нас одно, и это служило дополнительным фактором, заставлявшим бизнесменов сводить знакомство со мной: Рома был широко известен как прекрасный журналист. А пиар значит много, и всем хотелось попасть «под перо» такого обозревателя, как Рома, заполучить интервью с фотографией в том издании, где он трудился. Словом, у нас с мужем было негласное соглашение – не влезать в то, что творится за кулисами бизнеса, и не мешать друг другу работать.

...В тот вечер на яхте, куда нас привезли после напряженного выставочного дня, я заприметила одного человека. Высокий молчаливый мужчина лет сорока заинтересованно посматривал в мою сторону, однако не проявлял явного интереса, приглашал танцевать пару раз, но при этом вел себя несколько отстраненно и словно бы вынужденно. Меня это задело – я привыкла к мужскому вниманию, а подобное поведение ставило меня в тупик. Кроме того, вокруг было полно куда как более привлекательных кавалеров, и интерес они проявляли завидный, однако я каким-то шестым чувством понимала, что этот молчаливый человек окажется именно тем, кто мне нужен. Рома мой веселился вовсю, флиртовал с приглашенными журналистками, пил, разумеется, и совершенно не обращал внимания на то, чем занята я. Мне же приходилось трудновато – я то и дело отмахивалась от становившихся все более настойчивыми предложений и при этом старалась не упустить из виду заинтересовавшего меня мужчину. Исподтишка наблюдала за его манерой разговаривать, улыбаться, пить – потому что такие мелочи тоже могут многое сказать о человеке. И попутно изобретала способ намекнуть ему на род моих занятий, заинтересовать, заставить задуматься о сотрудничестве. Возможно, это тот самый единственный шанс, который никак нельзя упустить.

Не придумав ничего умнее, я в конце вечера сунула ему в руку визитку с телефонами, и, когда он в ответ вручил мне свою, я, пробежав ее глазами, даже задрожала: именно то, что мне нужно. Мужчина оказался директором по развитию второй по величине в стране сети торговых центров. Фирма активно развивалась, открывала огромнейшие магазины по всей стране – а следовательно, проблема получения строительных площадок для нее была актуальна. И, разумеется, для их получения нужны связи... О господи, ну бывает же такое везение! Решив брать быка за рога сразу, я выложила ему, чем занимаюсь. Геннадий – так его звали – впервые за вечер посмотрел на меня не просто с интересом, а и с неким подобием уважения.

– Вы позволите проводить вас до отеля?

«А-а-а, сработало! Теперь аккуратно, чтобы не спугнуть...»

– Ну, если вас не затруднит... А то, смотрю, братец мой не собирается никуда идти, выпивка еще не вся закончилась, – как можно небрежнее бросила я, стараясь ничем не выдать охватившего меня волнения. Как мужчина он мне не слишком понравился – я любила другой типаж, ну немудрено – после Алекса... Но вот как в клиенте я была в нем очень заинтересована и готова на все. Ну, почти на все...

Мы шли по освещенной набережной Круазетт от пирса в направлении отелей, я лениво обмахивалась пальмовой веткой, как веером, а Геннадий неожиданно начал рассказывать о себе:

– Знаете, Марго, я ведь не всегда занимался этим бизнесом. Было время, когда наша страна нуждалась не в торгово-развлекательных центрах, а в крепких научных кадрах. Я физик-ядерщик. Работал на военном заводе, трудился, так сказать, на оборонку.

Странно... по-моему, ему куда больше подошло бы кресло руководителя какого-нибудь учреждения, а то и вовсе кабинет лидера партии.

– Надо же... а вид у вас как у партийного функционера, – пошутила я, и Геннадий скупой улыбнулся:

– Вы мне льстите, Марго. Я военный, привык действовать четко и ясно, без всех этих подводных камней и закулисных интриг. Мне очень тяжело далось становление в нынешней должности. В армии все кристально честно и прозрачно, а тут... гадюшник, ей-богу.

«Гадюшник» – очень неправильное слово, на мой взгляд, совершенно не отражающее происходящего в строительном бизнесе. Однако до поры я не считала нужным высказывать потенциальному клиенту собственное мнение по этому вопросу.

– Вы правы. Но что сделаешь – таковы условия жизни. Думаете, я с удовольствием плаваю в этих водах? Нет. Но жить-то нужно.

– Кстати... Марго, а сколько стоят ваши услуги?

«О, прогресс... заинтересовался, значит...» Я сглотнула, перевела дыхание, стараясь вести себя как можно равнодушнее, покрутила ветку пальмы, которую до сих пор держала в руке. Дешевое кокетство, знаю, но мне нужно зацепить его, заинтересовать, увлечь хоть чем-то – пусть даже собой.

– Геннадий, мы, к сожалению, уже пришли – вот мой отель, – проговорила я нарочито-виновато – мол, так жаль, так жаль, но придется разговор отложить. На самом же деле мне не хотелось демонстрировать свое нетерпение и радость. Пусть дозреет и думает, что это он такой умный – а не я такая хитрая.

– Действительно, жаль... А я могу позвонить вам, скажем, завтра? – в голосе Геннадия послышались просительные нотки.

– Конечно. И потом – разве мы не встретимся на выставке?

– Да, разумеется, но... мне хотелось бы пообщаться без посторонних, в более непринужденной обстановке. Без официоза, так сказать.

– Посмотрим, – уклончиво проговорила я и повернулась, чтобы уйти, но он мягко удержал меня за локоть.

– Марго... вам кто-нибудь говорил, что вы безумно красивы?

– Геннадий, не роняйте себя такими банальностями, хорошо? – Я освободила руку и начала подниматься по ступеням.

Вслед донеслось:

– Простите, Марго. До завтра.

Я не стала оборачиваться.

В номере, наполнив джакузи, я опустилась в теплую воду и вдруг расхохоталась. Все оказалось так просто, что даже не верилось. Надо же – если бы Рома не предложил мне эту поездку, я могла бы еще сто лет искать. В голове вертелись фразы нового знакомого: «...владелец компании взвалил на меня такие обязанности, при которых дружба с чиновниками разных рангов просто необходима. Как воздух, понимаете? А я не умею дружить с «нужными» людьми, взятки давать не умею. Ну, как это – просто подойти и сказать, мол, вот вам деньги? Странно, да? И кто так делает-то? Меня пошлют подальше – и все. Ситуация повторяется с каждым новым объектом, а как только дело к финишу – у босса уже новая идея, а мне это просто ножом по сердцу – своих ведь забот хватает, стройка, сдача объекта, понимаете?»

Я понимала. Но так уж устроен строительный бизнес в нашей стране: не подмажешь – не поедешь. И в душе я была твердо уверена, что уж я-то справлюсь, потому что это мой хлеб, моя территория. Да, я не суперспециалист в области строительства, но мое природное чутье

и личное обаяние, помноженные на заинтересованность в конечном результате, вполне могут пригодиться.

Назавтра я появилась на стенде «Золотой улицы» во всеоружии – тщательно одетая, накрашенная и собранная. То, что я там увидела, ввергло меня сперва в шок, а потом просто разозлило. Пресс-служба компании работала из рук вон – две девочки бестолково метались по стенду, расставляя стулья для журналистов, ничего не было готово, начало пресс-конференции непростительно затягивалось, журналисты нервничали, а Геннадий, которому предстояло проводить мероприятие, был просто не в себе от творящегося вокруг бардака. И без того молчаливый от природы, он с трудом представлял, что ему делать, в чем и признался мне шепотом. Я решила, что пора вмешаться. Решительно остановив пиарщиц, я взяла дело в свои руки, в считанные минуты навела порядок на стенде, усадила журналистов, нахально представившись начальником пиар-отдела «Золотой улицы». Геннадий только успевал следить за мной взглядом и благодарно улыбаться. И все бы ничего, если бы как раз в это время его босс не решил навестить свой стенд и проверить, как идет «прессуха». Меня он, разумеется, не знал, а вот мне Геннадий успел шепнуть, кто этот невысокий полноватый мужчина в светлом костюме. Я сначала замерла, но потом решила – пан или пропал – и продолжила заниматься не своим делом. Босс напряженно наблюдал за мной, и по его лицу я поняла, что он мучительно пытается вспомнить, кто я. Когда пресс-конференция благополучно закончилась, он подошел ко мне и напрямую спросил:

– Милочка, а освежите мою стариковскую память – вы кем приходитесь моей фирме?

Я улыбнулась и ответила:

– До текущего момента – никем. Но если вы захотите – могу исполнять функции начальника пиар-службы. Насколько я поняла, у вас с этим большая беда.

Он рассмеялся:

– Ценю ваше нахальство. Как, собственно, и ваш профессионализм, дорогая. По приезде в Москву жду к себе – обсудим условия.

Так и получилось, что, вернувшись из Канн, я обзавелась не только собственным небольшим офисом на набережной, шестью толковыми сотрудниками, которым могла поручить несложные задания, но и вполне определенной уверенностью в завтрашнем дне. На меня легли обязанности начальника пресс-службы «Золотой улицы», я организовывала для фирмы деловые мероприятия, освещала ее деятельность в прессе, используя для этого связи Ромы, следила за репутацией компании в деловом мире. Рома старался помогать мне, чем мог, выдавал блестящие идеи, а в спорных или трудных ситуациях я привлекала его как более представительное лицо, ибо в мире мужчин женщине зачастую очень сложно убедить оппонентов в своем профессионализме. Рома же справлялся с этим легко и с пользой как для «Золотой улицы», так и для нашей небольшой фирмы с простым и понятным каждому названием «Дружба».

Официально я не являлась сотрудником Геннадия, но договора все же были составлены и хранились в разных местах: один – в офисе «Дружбы» в Печатниках, а другой – в юридическом управлении «Золотой улицы» на Кадашевке. Фиксированная сумма вознаграждения должна была выплачиваться регулярно, независимо от объема выполненной работы – так называемая «абонентка». Иногда – хотя, впрочем, это случалось редко – босс задерживал выплаты, и тогда я звонила Геннадию, с которым у меня установились к этому времени вполне дружеские отношения. У него в подчинении были четыре отдела, но Геннадий никогда не жалел времени и сам лично проверял всю цепочку выплат моей фирме. Все-таки дружеские отношения очень помогают и в бизнесе тоже...

Я работала, стараясь приблизить тот день, когда смогу наконец бросить все и уехать отсюда. Работа помогала забыть о неудачах, и только одно оставалось неизменным. Мой Алекс.

Когда-то давно...

Ну, за что, за что же опять, чем я провинилась, что сделала не так? Почему он снова ушел, ушел, не сказав ни слова, кроме этой дурацкой эсэмэски? За что? Я ненавижу, когда Алекс так делает, я боюсь этих моментов, хотя постоянно жду их и всегда четко знаю, что так будет. Но привыкнуть – не могу. Нельзя привыкнуть, просто невозможно, потому что всякий раз это так же больно, как и в первый. Хотя... больнее того, первого, раза никогда не будет. В тот день он убил меня. Убил жестоко и цинично, растоптал душу и сердце и оставил лежать на скамье в большом парке. Сколько я так пролежала – не помню, видимо, долго, потому что очнулась от жуткого холода и оттого, что мое голубое летнее платье насквозь промокло под проливным дождем. Вокруг была вода, но мне казалось, что это не дождь, а мои слезы, разве что не окрашенные кровью, хотя внутри все сочится ею. Нужно вставать, идти куда-то, как-то жить дальше – но сил не было. И желания тоже – зачем? Зачем – когда его нет больше? Я осталась совершенно одна в чужой стране, молодая, почти ребенок, – мне некуда и не к кому идти. Но и лежать тут, на каменной скамье большого старого парка, тоже невозможно – а потому я встала и побрела куда-то не разбирая дороги.

И вот вчера... вчера он опять сделал нечто подобное. Хотя на этот раз я думаю, что все закончилось. На этот раз – точно все... за что, зачем ты сделал это, Алекс?..

...Голос мужа, полный раздражения и досады, выдергивает меня из раздумий. А, ну да – посуда в раковине... мне не до этого сейчас, неужели ты не в состоянии понять? Какая посуда, когда... а, к черту – все равно не поймет и будет весь вечер нудить. В нем все хорошо – он добрый, отзывчивый, очень мягкий, заботливый, – но вот это его постоянное, ставшее уже привычным за восемь лет занудство просто сводит меня с ума. Я не понимаю – неужели три тарелки в раковине могут являться таким уж раздражающим фактором? Ну, вымою я их, если так – но зачем создавать из этого такую проблему?

– Рита, ты меня вообще слышишь?

– Слышу, не нужно кричать. Я поняла, сейчас все сделаю.

Я с трудом сползаю с дивана – буквально сползаю и стою какое-то время на четвереньках, словно соображая, что делать дальше. Не дождавшийся меня в кухне Рома входит в большую комнату, служащую нам одновременно гостиной и кабинетом, удивленно смотрит на меня:

– Ты что? Болит что-нибудь?

Болит, хочется рывкнуть мне, так болит, что дышать нечем, не говоря уж о твоей чертовой посуде, но я сдерживаюсь. Все разговоры об Алексее в нашей семье приводят к одному – Рома напивается вечером и срывает на мне зло с помощью тумачков. Но даже этого он не может сделать по-мужски, а просто смешно машет кулаками, наскакивает на меня, как петух на курицу, пытается ущипнуть или схватить за волосы. На завтра полдня спит, а когда встает, ходит с видом побитой дворняжки, виновато опустив глаза, и бормочет извинения. И это – мужчина? После Алекса... ой, нет, не буду – не могу, больно...

Москва, начало двухтысячных

Число клиентов «Дружбы» ощутимо росло. Примерно треть всех компаний, занимавшихся строительством торговых комплексов и бизнес-центров, хоть раз да обращались ко мне. Мне приходилось много ездить по стране, организовывать открытия новых объектов, придумывать им броские названия, устраивать акции и презентации, а то и организовывать концерты с участием звезд эстрады, которые собирали на площадках половину населения городов, куда приезжали. Открытие огромных магазинов, да еще с многозальными кинотеатрами, совсем как в Европе, вызывало ажиотаж среди местных жителей, а потому банальная акция неизменно превращалась в общегородской праздник. Я возвращалась домой усталая, измотанная, с потрепанными нервами, но зато мой банковский счет неизменно пополнялся весьма ощутимыми суммами. Это с каждым днем приближало меня к заветной цели – дому в Испании, где-нибудь на побережье. Разумеется, часть денег приходилось тратить на себя – ведь при моем образе

жизни и круге общения нужно было выглядеть подобающим образом. Та же дамская сумка не могла быть какой угодно – она должна была быть *статусной*, чтобы *соответствовать* – как и все остальное. Словом, постепенно я превратилась в этакую бизнес-леди – холеную, ухоженную и дорогую. Рома не замечал этого – да он вообще мало что замечал, его больше интересовала собственная работа и то, готов ли дома ужин и насколько свежими оказались продукты. Мы наняли домработницу – поскольку у меня просто не оставалось времени следить за хозяйством и заниматься уборкой, готовкой и стиркой.

«Дружба» потихоньку процветала вместе со своими клиентами, а я уже могла с гордостью говорить и о некой социальной роли своего бизнеса. Иногда чиновники вместо банальной взятки выдвигали условие строительства социально значимых объектов или предлагали спонсорство спортивных или культурных мероприятий. Так в мою жизнь вошли балльные танцы.

Строился очередной торгово-развлекательный комплекс, и под снос попало небольшое здание, в котором базировался танцевально-спортивный клуб «Фокстрот». Разумеется, решение о сносе было принято не без моего участия, но кто ж мог предположить, что родители занимающихся там детей устроят целую акцию протеста с плакатами, письмами в префектуру и мэрию, с «живой изгородью» из собственных детей перед бульдозерами...

Мне пришлось немало потрудиться, чтобы замять конфликт, а человек из мэрии предложил мне простой, но устраивающий всех вариант – взять этот клуб на баланс фирмы и стать его спонсором. Я вынуждена была согласиться, но впоследствии была признательна этому человеку за подсказку, так как именно благодаря клубу в моей жизни появилась Мэри. Мэри – это Мэри. Моя рыжая Мэри, без которой я не мыслю своего существования точно так же, как и без Алекса.

Мэри... Отдельный разговор. Вызывающе нахальная сучка с прищуренным взглядом голубых глаз из-под челки, с неизменной сигаретой в пальцах. Это один из ее образов, тот, который она демонстрирует окружающим. Есть еще *моя* Мэри – спокойная, тихая, с детским взглядом, устремленным на меня. Мэри, доверчиво жмущаяся ко мне, совершенно беззащитная и беспомощная. Но такой ее знаю только я. Остальным достается стерва...

Так и вижу: огромное окно отеля, широкий низкий подоконник – и она в черной ночной рубашке на фоне мерцающего огнями города. Курит, периодически отхлебывает из стакана коньяк и плачет. Я лежу на кровати, смотрю на нее и плачу вместе с ней, но не вслух, а в себе, потому что Мэри бесится, когда видит мои слезы... Бесится, топает ногами и шипит. В такие минуты мне кажется, что, будь у нее жало, я непременно получила бы порцию яда. Я понимаю – она беспокоится за меня, хочет уберечь от неприятностей. Но не могу понять другого – как же Мэри не видит, насколько мы с ней похожи? Внутри одинаковые, и способность влипать куда-то у нас совершенно идентичная. Уж Мэри ли этого не знать...

Вот она опять затягивается сигаретой, прихлебывая коньяк, потом поворачивает ко мне заплаканное лицо и спрашивает так тихо, что я скорее угадываю, чем слышу:

– Знаешь, что я видела во сне?

Знаю. Она всегда видит то же, что и я, когда мы вместе. Алекса. У нас даже кошмар общий. Призрак Алекса.

...Отвлеклась. Так вот, о «Фокстроте». Я решила проблему с помещением, уговорив владельца строящегося торгового центра выделить довольно большую площадь и уложить там паркет. Обрисовала сказочную перспективу привлечь взрослых танцоров к различным акциям, устраивать небольшие турниры и танцевальные вечера – словом, уговорила пустить ставший по нашей вине «бездомным» коллектив под свою крышу. Деньги пришлось выделять мне из своих активов, но это были смехотворные суммы, так что все шло отлично.

«Золотая улица» казалась непотопляемой и с легкостью покрывала все мои расходы на уже расширившийся штат, на недешевый офис в центре и на очень даже значительные представительские расходы. Меня все знали в лицо, даже охрана пускала в здание без пропуска,

несмотря на жесткие в отношении других приказы службы безопасности. Правда, мне тоже приходилось подвергаться проверкам – вплоть до прослушки наших с Ромой телефонов, но это оправдано – учитывая информацию, которой мы оба владели. При желании мы вдвоем могли «сплавить» фирму в считанные дни.

Прошел год, прежде чем босс «Золотой улицы» перестал проверять нас и даже дал распоряжение по первому требованию предоставлять мне все необходимые документы и информацию. Кроме того, я получила свободный доступ в его кабинет, и теперь мне не требовалась предварительная запись и долгие часы ожидания в приемной. Босс держался со мной по-отечески, расспрашивал о семейной жизни, о делах Ромы, я жаловалась на растущие арендные ставки, нерадивых сотрудников, трудности ведения бизнеса в одиночку – муж мой постоянно был занят на своей основной работе и все реже интересовался делами «Дружбы». Относительно не крупному бизнесу становилось все труднее выживать в постоянно меняющихся экономических условиях, и я начала задумываться о переезде в большой бизнес-центр, чтобы решить вопросы охраны важных документов, эксплуатации офиса. Однако это мероприятие могло сильно подорвать мой бюджет. «Золотая улица» же как раз в это время заняла одну из лидирующих позиций на рынке и требовала от меня все больших затрат времени и сил. Расширять штат я не хотела, да и не видела в этом большого смысла, так как большую часть вопросов могла решать только сама, не посвящая никого постороннего, а потому была вынуждена ездить в офис основного клиента ежедневно и проводить там все больше часов. Плюс к этому – время на дорогу и обязательный ритуал чаепития с Геннадием. Пришлось жертвовать новыми клиентами – у меня совершенно не оставалось сил и времени на их поиск. Разумеется, я потихоньку намекала Геннадию на повышение моего гонорара, так как других клиентов у меня почти не осталось – все рабочее время пожирала «Золотая улица». Поскольку я не наглела, он мне не отказывал. Однако, как выяснилось много позже, это и было началом моего конца, крахом бизнесвумен Марго – нельзя делать ставку на одного клиента. Рано или поздно это должно было привести к развязке, однако столь оригинального конца не могла предвидеть даже я...

Когда-то давно

Алекс исчез. Исчез внезапно, не объясняя причин. Просто пропал. Мы должны были встретиться в лондонском кафе «Старбакс», я отчаянно опаздывала, все смотрела на часы и торопила водителя – Алекс не терпел опозданий, всегда приходил в ярость, если приходилось ждать. Но именно сегодня приехала моя подруга, мы не виделись около трех месяцев, а потому заболтались, и я совершенно упустила из виду, что время близится к четырем.

Я вошла в пустой полутемный зал кафе и огляделась. Вот наш любимый столик, именно там, у окна, мы всегда сидели и часами разговаривали. В такие моменты я всегда вспоминала самую первую встречу наедине с Алексом еще в Москве. Что он, такой удивительный, прекрасный просто принц из наивной детской сказки, нашел во мне, сопливой шестнадцатилетней девчонке, – я никак не могла понять, как не понимаю этого до сих пор. Сейчас я стала совсем другой... и внешне, и внутри, и в этой моей перемене тоже его вина. Вина – потому что нельзя, нечестно... ох, не могу, мне все еще больно.

Итак, я вошла в кафе, Алекса не было. Подскочил официант в длинном черном фартуке, пригласил располагаться.

– Здесь должен был ждать мужчина...

– Сомневаюсь, мисс, у нас с самого утра почти нет клиентов. Но, возможно, его задержали дела?

– Я подожду.

Опустившись за столик, я заказала любимый латте с карамельным сиропом и погрузилась в ожидание. Скорее всего, Алекс разозлился и теперь дома накажет меня за опоздание.

Я провела в кафе остаток дня – он так и не пришел. Его телефоны молчали, в офисе мне ответили, что он не был там уже два дня. Это было странно и необъяснимо – Алекс деловой человек, европеец, он не мог себе позволить забыть о бизнесе даже на час, и вдруг... Я не находила причины, которая могла бы заставить его так поступить.

Нужно было идти домой, и я кое-как уговорила себя встать и пошла к выходу. Ноги несли меня куда-то прочь от кафе, и в итоге я оказалась в городском парке на большой каменной скамье. Трель мобильного в кармане вывела из оцепенения. Звонила его мать.

– Будь ты проклята, будь ты проклята, это все ты... – услышала я, но не удивилась. Отношения у нас никогда не были безоблачными. – Ты извела моего сына, это ты, ты... – Ее голос становился все звучнее и сорвался в истерический визг: – Ненавижу, чтоб тебе сгореть!

Сгореть... Господи, да что ты знаешь об этом – ты, благополучная мать благополучных с виду сыновей! Если бы ты видела, что сделал однажды со мной твой любимый сын, если бы только я могла показать тебе ожоги, оставшиеся на моей коже... Но ты, разумеется, не поверила бы. Ты всегда ненавидела меня, всегда хотела ему другую жену – тихую, покорную армянскую девочку, а не меня – русскую, так непохожую на ваших женщин. Но Алекс меня любил – и даже то, что он делал иной раз со мной, было как раз от невозможности выразить любовь иначе. Он хотел меня целиком, жаждал полностью подчинить себе – и не понимал, что для этого ему не нужно насилие: я и так принадлежу ему до последней капли. Вся – его, и за одно ласковое слово, за один взгляд, за одно нежное прикосновение я готова умереть...

– Да скажите же мне, ради бога, что произошло! – вклинилась я в рыдания свекрови.

– Его нет! – рявкнула она так, что я вздрогнула. – Исчез – осталась только ты! А лучше было бы наоборот!

В принципе в периодических исчезновениях Алекса не было ничего необычного. Он мог уехать, не предупредив, и вернуться через неделю-полторы с каким-нибудь подарком и букетом цветов как ни в чем не бывало, поцеловать меня и небрежно спросить:

– Скучала, любимая?

Я никогда не спрашивала, куда и зачем он отлучается, где пропадает, почему возвращается домой со странным блеском в глазах, почему пару дней после возвращения находится в возбуждении и вообще ведет себя необъяснимо. Я хорошо знала причины этих отлучек, но говорить об этом не решалась – знала, что не поймет, рассердится, накажет.

В самом начале нашей совместной жизни я позволила себе задать вопрос. Нет, не так. Алекс пропал внезапно – просто исчез на неделю. Я в панике звонила его родственникам, пыталась дозвониться ему – но оба телефона не отвечали. Я сходила с ума от страха, от тревоги и от того, что мне казалось – все, он меня бросил, я его не увижу никогда. А воскресным вечером он как ни в чем не бывало открыл дверь, бросил у порога спортивную сумку и шагнул ко мне, замершей у камина:

– Здравствуй, Марго. Скучала?

– Где ты был? – тоном сварливой бабы осведомилась я, с удивлением отметив, что даже голос мой изменился.

– У меня были дела, – все еще спокойно ответил он, снимая пиджак.

– Дела?! Что это за дела, о которых нельзя предупредить заранее?!

– Марго! – предостерегающе произнес Алекс, но я и это проигнорировала:

– Я восемнадцать лет Марго! Где ты был?!

– Ты не вправе задавать мне такие вопросы.

– Да ты что?! А я кто? Не жена тебе?

– Это не дает тебе права...

– Да что ты заладил?! Говори, где был! – заорала я, не помня себя, и тут-то и случилось...

Алекс схватил с каминной полки канделябр на двенадцать свечей и что есть силы швырнул в меня. Будь я меньше ростом – и железяка с зажженными свечками раскроила бы мне

голову, а так удар пришелся в плечо, но на мне была синтетическая водолазка, моментально вспыхнувшая на груди... Я онемела от шока, стояла и смотрела, как горит одежда, а вместе с ней уже и кожа на груди. Гортанный вскрик пришедшего в себя Алекса вывел меня из ступора, я сразу почувствовала боль, упала на пол, пытаясь сбить пламя. Он накинул на меня пиджак, бросился в кухню и вернулся с кувшином воды, вылил ее на тлеющую водолазку. Сбить пламя удалось, но расплавившаяся синтетика впаялась в кожу на груди, причиняя невыносимую боль. Алекс, совершенно обезумевший от содеянного, метался вокруг и выкрикивал что-то по-армянски. Я слышала, как он звонит врачу, просит его приехать быстрее, но от боли сознание мутилось.

Очнулась я в спальне на кровати, коснулась рукой груди и обнаружила повязку. Резкий запах лекарства ударил в нос, я поморщилась и чихнула.

– Марго...

Я с трудом повернула голову и увидела сидящего рядом на кровати Алекса.

– Детка, прости... я не понимаю, что на меня нашло...

Я промолчала. Но больше никогда не осмелилась задать ему этого вопроса – «где ты был?».

Даже спустя годы воспоминания об этом причиняли боль.

Нет, лучше вспомню что-нибудь другое. Например, как мы впервые оказались в кафе. Я никогда прежде не была в кафе с мужчиной – да и вообще не была на свидании, мне просто некогда было гулять и развлекаться, а уж о кавалерах вообще речи не шло – я училась, занималась спортом и потакала капризам мамы. И вдруг – он. Такой взрослый, красивый и необыкновенный. Я смотрела во все глаза, боялась дышать, открыть рот, чтобы не сморозить глупость и не показаться малолетней дурой. И запах... такой удивительный запах, окутывавший его, как плащ... Единственным знакомым мне в то время ароматом был тройной одеколон, ибо ничего другого в продаже не появлялось. И вдруг – Алекс... и я не выдержала. Когда мы выходили из кафе, я вдруг поддалась необъяснимому порыву и прижалась лицом к его свитеру, вбирая в легкие этот изумительный аромат. Алекс отстранил меня, жестко взглянул в лицо и дал такую оглушительную пощечину, что я едва не упала.

– Кто позволил тебе? – негромко спросил он, но в его голосе совершенно не было злости.

Я подняла на него наполнившиеся слезами глаза и в этот самый миг поняла – никогда, просто никогда я не ослушаюсь его, не сделаю ничего против его воли, и любое его слово и желание будут для меня законом. Мне было семнадцать лет...

Никогда прежде я не задумывалась о том, что захочу настолько подчиниться мужчине, что совершенно забуду о себе, растворюсь и слепо доверю свою жизнь человеку, чья фантазия простиралась далеко за пределы разумных обывательских понятий. Но Алекс... это другое. Совершенно не то, к чему я привыкла, – ведь, несмотря на занятость, у меня все-таки были поклонники – мальчики из школы, теннисной секции, да и просто знакомые. Но ни к кому из этих приглашенных, хорошо воспитанных и нормальных во всех отношениях юношей я не испытывала того, что до сих пор чувствую к Алексу. Я не могу объяснить, ни один нормальный человек никогда не поймет – это за пределами общепринятого. Но все, что он говорил и делал, становилось для меня непреложной истиной, догмой, которую не обсуждают, о которой не думают и не рассуждают, а просто слепо доверяют и принимают как единственно верное. Я не могу сказать, что в то время это уже была любовь, но и жить без него я не могла. И с течением времени осознала, что никого в этом мире не любила так, как Алекса, – до сих пор, хотя вот уже восемь лет как замужем за Ромой. Никогда прежде я не думала, что смогу лечь в постель с другим мужчиной, смогу обнять и поцеловать кого-то, отличного от моего необыкновенного Алекса, моего мучителя, демона – и ангела в одном лице. Рома нормален до мозга костей, до икоты, до мучительно стягивающей челюсти тоски. Но именно он помог мне в определенный момент не сойти с ума, не броситься под машину, не начать употреблять наркотики

– хотя соблазны были. Рома предан мне без оглядки, прощает мои капризы и завихрения, терпеливо сносит мои придирки и мимолетные романы, возникающие там и тут. Кто, как не он, всегда готов подставить мне плечо и выслушать нытье по поводу неудавшейся жизни... Я за все благодарна ему, но из благодарности никогда не возникает страстное и сильное чувство, зовущееся любовью, как это ни прискорбно звучит. Он предан мне, как пограничная овчарка, – но разве это можно считать любовью? Конечно, нет. Мне порой бывает очень жаль его – но ничего поделать я не могу. Он не нужен мне как муж и мужчина – возможно, именно поэтому вот уже восемь лет мы безуспешно пытаемся родить ребенка, которого я страстно желаю. Но как может родиться малыш от нелюбимого мужчины? Вот и я говорю – никак...

Подруги наперебой пытаются внушить мне чувство вины, но безуспешно. Я не испытываю угрызений совести – зачем? Если судьбе было угодно распорядиться так, чтобы у нас с Ромой не было детей, – какой смысл грызть себя и пытаться что-то изменить? Наверное, честнее было бы развестись и дать мужу возможность строить свою жизнь отдельно от меня, но Рома и слышать об этом не желает. Значит, его все устраивает.

Москва, начало двухтысячных

У «Золотой улицы» начались небольшие проблемы как раз в той области, которую курировала именно я. Неожиданно не заладились отношения с одним высокопоставленным чиновником, который потребовал неоправданно большую сумму «отката». Руководство «ЗУ» же было мною приучено к тому, что все подобные вопросы можно решить «малой кровью». Площадка была уже освоена, однако для продолжения строительных работ требовалась ощутимая сумма денег – а новоиспеченный чиновник в жесткой форме потребовал увеличить долю, мотивируя это высоким риском для своего положения. Каждый день на объект приезжали все новые проверяющие, рыли с добросовестностью бульдозеристов, стараясь найти нарушения, а зачастую и просто открыто вымогали деньги. Финансы проблемой не являлись, но босс «ЗУ», возмнивший себя уже почти богом, полагаясь на доброе имя и авторитет своей фирмы, платить никому не собирался. Он надеялся найти управу на зарвавшегося чинушу. Кроме того, отступать было уже поздно и некуда – площадка освоена, в рекламу проекта вложены огромные деньги, а в поддержку рекламной кампании мы успели провести в самом центре Москвы грандиозный концерт с приглашенными западными звездами. Это, в свою очередь, потребовало привлечения дополнительных инвесторов. Словом, отступить означало потерять такую сумму, что даже озвучить страшно.

Я советовала боссу заплатить несговорчивому чиновнику, но он не слушал ни меня, ни даже Рому, с мнением которого считался. Я смутно чувствовала, что в последнее время «Дружба» начала раздражать босса – все-таки несколько клиентов, помимо «ЗУ», у меня сохранились, и их делами я тоже занималась. Возможно, он боялся, что какая-то информация по сделкам «ЗУ» может просочиться куда не надо. Это, разумеется, ему не нравилось – как раз в этом году он вошел в сотню самых обеспеченных людей России. Вероятно, именно этот факт придавал ему дополнительной уверенности в себе и собственных безграничных возможностях, а потому босс неожиданно решил предложить мне некое мероприятие, от которого, на его взгляд, я не смогла бы отказаться.

...Однажды рано утром он вызвал меня к себе. Это против правил – босс прекрасно знал, что я «сова», а потому с утра мало что соображаю и вообще с трудом принимаю решения и воспринимаю информацию. Кроме всего, мне пришлось больше двух часов провести в приемной, изнывая от борьбы с сонливостью и мук неведения. Когда же наконец мне позволено было войти, босс с отеческим радушием усадил меня на диван и по обыкновению принялся разводить вопросами на откровенность и жалобы. На какой-то момент мне показалось, что он видит во мне не преуспевающую бизнес-леди, а обычную женщину, совсем еще молодую, слабую и уставшую, несчастную в личной жизни, вечно носящуюся со своим гениальным, но

совершенно никчемным в быту супругом. Расчет его был прост – предложить мне помощь и опеку, этакое «сильное мужское плечо», «надежную спину», «уютное крыло», к которым подспудно стремится каждая женщина.

Я в этом плане не была исключением. Жизнь с Алексом приучила меня к мужчинам с доминантным типом поведения, склонным принимать решения в одиночку, способным управлять не только собственной жизнью, но и моей тоже. Рома же в этом плане абсолютный младенец, он даже одеться с утра не мог без моей помощи – я подсказывала, какую рубашку, свитер, джинсы и носки стоит выбрать сегодня. Так что тут босс не ошибся, стараясь давить именно на мою склонность к подчинению. Его предложение продать «Дружбу» не выглядело наглым поглощением мелкого бизнеса крупным. Он дипломатично предложил моей фирме влиться в группу его компаний с сохранением всего штата.

– А еще ты сможешь сэкономить на офисе, Марго.

Предложение выглядело вполне заманчиво. Времени на остальных клиентов у меня все равно уже не оставалось. Но решить вопрос самостоятельно я не могла. Не то чтобы слово Ромы для меня так уж важно, но и «сохранить лицо» тоже хотелось, а потому я попросила у босса пару дней на раздумья. Неожиданно тот отказался. Мягко, тактично. Попросил не тянуть с принятием решения дольше сегодняшнего вечера.

Я вышла из кабинета совершенно растерянная, промаялась полдня, ожидая возвращения в офис Геннадия, чтобы хоть с ним посоветоваться, но тот задерживался, а время шло. Когда стрелки часов придвинулись к отметке «восемь», я вернулась в кабинет босса и дала принципиальное согласие, но с тем условием, что начну готовить документы только после того, как будет определена цена. Это хотя бы даст мне время на раздумья. Жадность не числилась в списке моих пороков, но отдавать даром свое детище с уже сложившейся репутацией и именем на рынке мне тоже не хотелось. Все-таки мы с Ромой вложили в «Дружбу» много сил, а потому я решила сорвать куш с босса.

Когда-то давно...

– Ты ни на что не годишься, я вообще не понимаю, как я могла произвести на свет такое существо, как ты! – Голос матери заставляет меня в который раз сжаться на подоконнике за шторой и замереть, не дышать даже, чтобы не вызвать новую волну гнева. – Это из-за тебя ушел отец! Ему было просто стыдно признать, что вот это чудище – его дочь!

Мать отдергивает единственную преграду, защищающую меня от внешнего мира, и раздраженно продолжает:

– Только посмотри! Рядом с тобой стыдно идти по улице – ведь ты безобразная, толстая и тупая!

Мне всего двенадцать лет, я сжимаюсь на широком подоконнике, стараясь стать как можно менее заметной, но это, разумеется, невозможно. Мать не выпускает изо рта неизменную сигарету в длинном мундштуке и придирчиво оглядывает меня.

– Как можно быть такой, зачем ты вообще живешь? – вопрошает она, зло прищурив татарские глаза.

Я даже не плачу – за свою короткую жизнь уже привыкла к несправедливым обвинениям, постоянно вырывающимся из уст матери. Что бы я ни сделала, ни сказала – все выходит боком, она всегда найдет повод для недовольства. Я привыкла с шести лет изнурять себя диетами, только чтобы не слушать вот этого: «ты толстая и безобразная», чтобы не видеть кривящегося в отвращении материнского лица. Но разве можно обмануть природу, наделившую меня крупной фигурой и броской внешностью, которую не изменишь и не исправишь никакими луковыми супами и бессолевыми диетами? Широкая кость и высокий рост достались от отца, как и мягкий характер, уступчивость и покладистость. Другая при подобном давлении со стороны матери уже давно бы ожесточилась, замкнулась и стала ненавидеть все человечество – но я

при всех издержках материнского воспитания ухитрялась оставаться доброй и всепрощающей. Именно это так бесило мать, именно потому она старалась как можно больнее уязвить, обидеть и унижить. Я терпела, искала оправдания материнским поступкам и словам, пыталась как-то объяснить себе злые выпады, но в душе постоянно росло и множилось сомнение в себе. «Может, это все правда? Может, я на самом деле такая, как говорит мама, – толстая, неповоротливая уродина, до которой ни одному нормальному человеку не может быть никакого дела?» – думала я, машинально отковыривая ногтем кусочек штукатурки. Ответа не находилось, и постепенно я искренне уверовала в свою никчемность.

Все наши комплексы рождаются в детстве. Мы очень восприимчивы, верим взрослым на слово – и любое неосторожное слово, любая не так и не вовремя сказанная фраза способны нанести непоправимый вред, оставить шрам в душе... Взрослые почему-то не осознают этого. Когда у меня будет дочь, я буду другой...

Моя мама к моим двенадцати годам успела основательно потрудиться на поприще развала моей психики и утверждения в моей голове различных комплексов по поводу внешности и манеры вести себя, а потому появление Алекса было практически неизбежным. Может, он просто оказался в удачное время в удачном месте? Интересно, вспоминает ли он маленькую нервную девочку в костюме кометы? Плащ был сшит специально, а водолазка – бабушкина, парадная. Через четыре года после нашей первой встречи она была забыта у него дома возле дивана в огромной плетеной корзине с орехами. В те мои двенадцать лет я не воспринимала его никак – просто взрослый дядя. Но яркий и красивый, вроде как англичанин, ласковый и заинтересованный во мне – только вот почему? Почему – я? Та встреча в закутке возле кабинета труда изменила всю мою жизнь, как в рассказе Брэдбери меняет эволюцию человечества смерть единственной бабочки. Второй этаж, наш новогодний утренник, я честно отработала свой номер под пристальным взглядом классной руководительницы и хотела домой. В школе меня ничто не удерживало. Но уйти раньше было нельзя, вот я и вышла передохнуть. И вот там-то он и наколот меня на свой ласковый взгляд, как коллекционер – бабочку на булавку. Сейчас кто-нибудь сказал бы – педофил. Пусть даже педофил. Он пришел, чтобы мне помочь, – это я поняла сразу. Потом быстро забыла – дети с трудом держат в голове такие вещи, особенно когда у них полно других занятий.

А он наверняка запомнил...

Целый год мы учили друг друга нормально писать: он меня – по-английски, я его – по-русски. Я смеялась над ним в каждом письме, советовала книжки из моей школьной программы. Он читал, привыкал, но не упускал случая подколоть и меня. Кем он был для меня? Что это было? Pen-friend?.. Он был другим, он был взрослым. Я писала ему глупости, наклеивала медвежат, рисовала смешные картинки. Бумага все стерпит.

Сейчас я думаю – на что он «разводил» меня, чего хотел от девочки-подростка? Если рассудить трезво – зачем ему эти проблемы, ведь он уже тогда был взрослым красивым мужчиной, не по-европейски рано закончившим все возможные виды обучения и уже всюду вставляющимся в бизнесе отчима. Вокруг наверняка были такие же взрослые красивые девушки – без всяких проблем, ищущие его внимание, ловящие взгляд. Наверняка.

Москва, начало двухтысячных

Торги по продаже «Дружбы» затянулись на три долгих месяца. И вот тут у «Золотой улицы» случились крупные неприятности. Озлобленный несговорчивый чиновник нашел-таки зацепку – и на фирму тут же завели уголовное дело. Мне в тот момент неплохо было бы сесть и крепко подумать, а стоит ли заниматься продажей своей конторы дальше, но проблем было и без того по горло: мне приходилось общаться с журналистами, представителями власти, как-то поддерживать разъяренного босса, принимая на свою бедную голову весь его гнев. Это изматывало больше морально, чем физически, да еще и Геннадий периодически впадал в истерику.

ческое состояние, и я на правах приятельницы была вынуждена успокаивать еще и его. Мужчины слабы перед лицом реальной опасности или при малейшем намеке на неприятности, и только женщина старается до последнего сохранять здравый рассудок. Чем, собственно, я и занималась. Начались ожидаемые перебои с поступлением денежных средств, а потому я все-таки подготовила все документы на продажу «Дружбы». Но попросила сперва Геннадия забрать весь пакет к себе в офис для внутреннего аудита, пообещав, что завтра после обеда заеду сама.

К такому повороту событий я оказалась не готова. Возле офиса «ЗУ» стояли несколько милицеских машин. Я заметила их практически сразу, едва только приблизилась к воротам, а потому, насторожившись, решила не заезжать во двор, а припарковать машину где-нибудь в ближайшем переулке. Какое-то шестое чувство не давало мне направиться сразу в офис, а потому я, устав бороться с интуицией, зашла на детскую площадку и набрала номер Геннадия. Телефон молчал. Гудки шли – без ответа. Я позвонила секретарше, и та приглушенной скороговоркой выдала, что в офисе производится изъятие документов, а всех сотрудников заперли в переговорной и отобрали телефоны. У меня от такой новости подкосились ноги, я без сил плюхнулась на ближайшую лавочку и задумалась. Перед глазами мелькнула весьма неприятная картинка: в руки какого-нибудь следователя попадает мой не учтенный нигде договор, мои подписи за получение ежемесячных денег, а главное – пакет документов по продаже «Дружбы». Генеральным директором числился Рома, я формально была только его заместителем, но и учредителем тоже являлась. Голубое небо над головой вдруг показалось закрытым решеткой...

Я стала набирать номер мужа, но вовремя сообразила: телефоны прослушивались службой безопасности «ЗУ», и где гарантии, что сейчас прослушку не возобновят следователи? Нет, лучше не совершать резких движений – так шансы спастись гораздо выше...

Телефон внезапно завибрировал в руке, от неожиданности я едва не упала с лавки. Пришла эсмэска с незнакомого номера. Текст гласил: «То, что тебе нужно, у меня в пиджаке. Геннадий». Я выдохнула с облегчением, но тут же поняла новую проблему – а как я достану пиджак? Нельзя ведь пройти сквозь милицеское оцепление с невинным лицом и фразой «да я только одежду возьму». Я беспомощно осмотрелась по сторонам и поняла, что делать. К зданию, где располагался офис, примыкал один из торговых центров, принадлежавших «ЗУ». Его крыша располагалась вровень с окнами третьего этажа, и как раз через одно из этих окон я могла бы попасть в помещение. В торговом центре шла обычная жизнь – его никто не тронул, оцепления вокруг не было, и я ринулась туда, напрямик в кабинет управляющего. Тот сперва отказывался верить в происходящее, но я подтащила его к окну, отдернула жалюзи, и Иван Игнатьевич, оттолкнув меня, кинулся к сейфу и начал быстро скидывать бумаги в полиэтиленовый пакет.

– Иван Игнатьевич, как мне на крышу попасть?

– Сдурела? Тебе зачем на крышу-то? Вали-ка отсюда подальше, – не прерываясь, посоветовал управляющий, но я взмолилась:

– Да поймите вы, там, в офисе, практически на каждом столе лежит компромат на меня!

– И что – по всем столам собирать пойдешь? В обход ментов или на их изумленных глазах?

Это меня взорвало: однажды я спасла его задницу от увольнения, прикрыв кое-какие махинации, а теперь он тут упражняется в остроумии, когда мне, может, на свободе осталось быть полчаса-час!

Об этом я и напомнила Ивану Игнатьевичу, пообещав попутно, что в случае чего он отправится на нары вместе со всеми.

Через пять минут я уже стояла на подоконнике чердака подсобки магазина. Как в кино – впереди метров пятьдесят покато́й крыши, окна переговорной, в которой заперты сотрудники офиса, и призрачная надежда попасть в здание незамеченной. А ведь потом предстоит вер-

нуться сюда – тем же путем. А если порывом ветра захлопнет окно? А если кто-то из милиционеров выглянет и узрит мои маневры? Господи, как мне страшно... Но выхода нет...

Первый шаг – и я со свойственной мне неловкостью тут же обдираю до крови руку, схватившись за железный откос. Обожгло так, что нечем стало дышать. Мелькнула шальная мысль повернуть, но куда – навстречу нарам и тюремному сроку? Нет, нет! Надо идти... я сильная, я справлюсь, я смогу...

Страшно дается только первый шаг, потом уже как-то легче. Я медленно продвигалась вперед и боялась даже опустить глаза – вниз, во дворе офиса, курсировали люди с автоматами, и стоило хоть кому-то поднять голову... Нет, нельзя об этом. Со мной ничего не случится, ничего! Чертова циркачка, мадам Чинизелли... господи, мне бы только выбраться – и я уеду, плюну на деньги – и уеду хоть ненадолго... Еще шаг – и я на подоконнике. Это окно вело не в переговорную, а в соседнюю комнату, но зато было открыто. Черт! Я зацепила ногой цветочный горшок, и тот повалился на пол, усугубив и без того творящийся в кабинете беспорядок. У меня перехватило дыхание – а что, если на звук кто-то войдет? Выждав пару минут, я двинулась к двери. Ручка пошла вниз почти бесшумно, я осторожно выглянула – коридор пуст. До переговорной двадцать пять метров – или больше. Все просматривается камерами наблюдения. Как узнать, кто сейчас сидит за пультом? Двадцать пять метров, которые могут перечеркнуть всю мою жизнь – весь мой непростой путь к деньгам, к стабильности, к каким-то перспективам. И только одна трагическая ошибка, поставившая под удар все... Надо заставить себя идти, надо! Но ведь дверь переговорной наверняка заперта... и – о, чудо! – она вдруг открылась, и в коридор вышел омоновец. Вынув мобильник, он принялся куда-то звонить. «А ведь в коридоре у нас телефоны-то не ловят!» – мелькнуло у меня в голове. Как-то недавно мне пришлось едва ли не на улицу бежать, когда нужно было позвонить маме с какой-то важной просьбой. Так и есть – сейчас он тоже будет пробовать набрать номер через каждые пятнадцать метров, пока не скроется за поворотом на лестницу. Ну же, давай, родной, давай... Все, можно! Только бы не передумал, только бы не вернулся...

Каким-то марш-броском я преодолела двадцать пять метров коридора, толкнула дверь, попутно ударив кого-то в переговорной. Два юриста, аналитик, секретарь из приемной финансового директора – куча знакомых лиц. Геннадий... он сразу все понял, кинулся, прижал меня к стене и начал совать в мою сумку листы формата А4, сложенные пополам.

– У кого еще что есть – сюда. Быстро! – скомандовал он негромко, и моя сумка в момент наполнилась документами.

– Гена... идем со мной, Гена. Я знаю, как выйти!

Но он отрицательно покачал головой:

– Нет, Марго. Нас пересчитали, обыскивать еще будут, наверное. Но ведь на каждого поименно санкция нужна. Вот и возьмется, паспортные данные только переписали. Уходи, Марго. Беги, насколько сил хватит.

И я побежала, уже не боясь шуметь...

Комната архитекторов. Подоконник. Пожарная лестница – пять ступенек вниз. Крыша. Осторожно... Беги, Марго, беги...

По крыше бежать побоялась, пошла медленно. Рано обрадовалась, поняла я, поставив ногу на ржавый подоконник. Окно подсобки оказалось закрыто. Дернула сильнее – нет, закрыто, закрыто, черт!!! Неужели Иван Игнатьевич решил смягчить свою участь, оказав помощь следствию? Или просто попалась добросовестная уборщица? Хотя какая на чердаке уборщица? Что мне делать, господи, что мне делать?! Разбить стекло? Нет, привлеку внимание... С края двора эта часть крыши видна прекрасно – на проходной всегда есть люди. Вопрос только в том – наши ли сейчас. Боже мой, как на войне: «наши – не наши»... А ведь по сути это война и есть.

Окно вдруг бесшумно отворилось, и луч солнца выхватил из чердачного полумрака лицо Геннадия:

– Скорее давай! Да что ж ты смотришь-то на меня, как на покойника?! Руку давай, не стой! Так и знал, что Ванька окно закроет, вот же барахло человек, небось уже к канадской границе подгребает с перепугу. Ну, что ты стоишь, Марго? Руку, я сказал.

Когда-то давно

Черно-белые клавиши. Теплые смуглые пальцы, всегда опускающиеся на них с какой-то глубокой мыслью. Черно-белая одежда. Однажды он сказал мне, что с юности решил одеваться в этой гамме – так проще подбирать гардероб, каждая вещь будет сочетаться с другой. Тогда меня удивило такое пристальное внимание молодого мужчины к своему внешнему виду. Но он во всем такой – безупречный. Это – Алекс.

Каждый раз, как Шерлок Холмс, я, выходя из лифта, напряженно вслушиваюсь в шорохи, в запах сигарет – его табак ни с чем нельзя спутать, но даже я иногда обманываюсь. Либо он обманывает меня.

Рассказывать все «по порядку» – это все равно что пить «Мохито», не смешивая ингредиенты. Отдельно ром, отдельно сахар. Откусить лед, пожевать мяту. И потом удивиться – а что тут такого? Довольно странно – но и все...

У каждой женщины в жизни должен быть такой мужчина. Самое странное, что его никак, просто никак нельзя считать идеальным – за долгие годы разнообразных отношений у меня было много поводов ненавидеть его и даже бояться. Бояться до такой степени, чтобы в ужасе отдергивать руку от протянутого пальто... Мало что в жизни остается неизменным, по крайней мере – у меня. Алекс – один из таких перманентных персонажей, уверена, что им и остался бы... если бы...

Если бы мог.

Как описать целостное ощущение от человека? Как передать на бумаге дрожь своей руки, вытирающей капли пота с его лица? Его неповторимый жест, стряхивание капель дождя с черного зонта-трости... Он – единственный из всех моих мужчин, кого я никогда не могла пожалеть, в ком ни разу не увидела маленького мальчика, с кем никогда не пыталась соревноваться в чем-то или даже просто спорить. Когда мы только поженились – я даже боялась встать как-то неправильно, чтобы случайно не нарушить эстетский минимализм его холодного дома. Со временем я начала повышать на него голос, а он не напирал, только растворялся в моих руках, как песок, который нельзя ухватить. Из мужа он очень быстро превратился в ангела-хранителя, в мой ночной кошмар, в слезы в уголке, каждый раз, когда меня кто-то сильно обижал: «Почему ты не рядом, почему не со мной, зачем оставил меня...»

Москва, начало двухтысячных

Через час мы с Геннадием сидели в моей «двушке». Он улыбался как ни в чем не бывало: – Да я ведь за тобой пошел. Куда мне было деваться? С другой стороны крыша плоская, и путь короче в три раза – что ж тебя понесло-то на покату? Небось Игнатьич отправил?

Я кивнула, и Геннадий удовлетворенно хохотнул:

– Так и знал, вот же гнида. Да, недосчитаются меня бойцы, но что ж теперь. Пусть арестовывают. Я ж ничего не подписывал, никаких бумаг, что предупрежден, и все такое.

Дома его ждали жена и маленькая дочка...

– Гена... объясни мне, что происходит. Я не понимаю, но ты-то должен знать! – Я затыкалась уже второй сигаретой, хотя вообще-то не курила.

– И знаю. И объяснить могу. Ты ведь в курсе, как происходит стандартный рейдерский захват? Есть люди, собирающие компромат на олигархов. Просто так – помнишь, как у Ильфа и Петрова Коробейников собирал ордера на мебель? – Геннадий отхлебнул чаю, поморщился. –

Горячо. Так вот. Риск есть, конечно, потому что а ну как этот олигарх никому дорожку не перейдет и все труды зря? Или перейдет – но горе-Коробейников об этом не узнает? Но ты ж понимаешь, что такие вот Коробейниковы там, где надо, хорошо известны, а олигархи рано или поздно непременно оступаются. Вот и на босса нашелся такой специалист. Выясняем, конечно, кто и что, но пока тихо и глухо. Понятно только, что приглянулась кому-то наша площадка, кусок набережной – место сладкое. Все сделано, укреплено, чтоб не осыпалось, строй – не хочу. Нашему-то три раза предлагали продать, а он ни в какую – мол, имиджевый проект, репутация. А сегодня и в офисе не было его – уехал. А был бы на месте – не вошел бы в офис никто.

– М-да... – протянула я растерянно. – И что теперь будет, а?

– Ничего, – пожал плечами Геннадий. – Слушай, а давай-ка мне бумаги. Там папка голубая, я ее беру.

Я послушно вышла в коридор, где так и валялась моя набитая вынесенными из офиса документами сумка, вынула голубую пластиковую папку.

– А что там? – протягивая ее Геннадию, спросила я, без всякого, впрочем, интереса.

– Так... договора кое-какие, переписка с клиентами.

– А-а...

Мы просидели еще около часа, и Геннадий уехал домой, а я улеглась в ванну и прорыдала там, не выдержав нервного напряжения, до самого вечера. Утром я решительно поругалась с Ромой, плюнула на все, заплатила бешеные деньги за быстрое оформление визы и через два дня улетела в Испанию.

Когда-то давно

Я не очень хорошо чувствую себя по утрам – ранние подъемы никогда не давались мне легко. Вот и сегодня я еле заставила себя подняться и пойти в душ – меня ждала портниха, мне шили платье для большого приема у одного весьма известного в Англии человека. Ради такого случая можно потерпеть, сказала я себе и безжалостно повернула холодный кран.

Примерка прошла отлично, платье получалось действительно стильным и дорогим. Настроение взлетело вверх, я почти вприпрыжку направилась к припаркованной машине, но тут меня вдруг окликнула молоденькая продавщица цветов из лавочки напротив:

– Послушайте, мисс! Это не мое дело, конечно, но я видела, как полчаса назад какой-то парень в бейсболке и спортивном костюме сунул что-то под вашу машину.

– То есть как – сунул? – бестолково переспросила я, и девушка рукой изобразила, как незнакомец прячет что-то под днище.

Внутри все похолодело – я уехала на машине Алекса... Лихорадочно роясь в сумке, я пыталась найти мобильник, но тот, как назло, завалился между косметичкой, кошельком и еще какими-то мелочами, которые я так и не могла отвыкнуть таскать с собой. Издав стон, я опустилась на тротуар и вывернула содержимое сумки прямо на бордюр. Проигнав удивленный взгляд цветочницы, я нашла-таки телефон и позвонила Алексу.

– Ты можешь приехать сюда немедленно? – заговорила я по-русски, чтобы не возиться с подбором слов и выражений.

– В чем дело?

– Алекс, я тебя умоляю – приезжай, я не могу по телефону, кругом люди!

– Хорошо, жди меня.

Он подъехал минут через двадцать, я уже успела тихонько сойти с ума от ужаса. Но вот он легко выпрыгнул из моей машины, подошел и хмыкнул:

– Ты так соскучилась, Марго, что придумала повод?

– Алекс, под днищем машины что-то есть, – прошептала я, прижавшись к нему и дрожа.

К моему удивлению и ужасу, эта информация не заставила Алекса даже бровью повести, такое ощущение, будто он ждал чего-то подобного. Отстранив меня, он опустился на колени и заглянул под машину. Потом встал, закурил и велел мне:

– В машину, Марго. Мы уезжаем.

– То есть?

– Я сказал – в машину.

На плохо слушающихся ногах я дошла до машины, забралась на заднее сиденье и затихла, боясь даже дышать. Алекс о чем-то переговорил с цветочницей, что-то сунул ей в руку и неторопливо пошел к водительской двери.

– Испугалась? – спросил он, когда мы отъехали примерно за два квартала.

– Очень... что это было?

– Тебе не надо знать.

– Алекс... я уже знаю – так, может, ты объяснишь?

Он только усмехнулся и отрицательно покачал головой.

Возле дома он высадил меня и сразу уехал, не сказав, как обычно, куда. Я уже почти привыкла к подобным отлучкам, но сегодня мне стало нестерпимо обидно – я пережила такой стресс, мог бы побыть со мной.

Полежав в ванне и выпив немного мартини, я расслабилась и перебралась в комнату, включив зачем-то телевизор. Шел выпуск новостей, и вдруг я увидела нашу машину и полицейское оцепление вокруг. Я недостаточно хорошо понимала беглую английскую речь, однако смысл уловила – под машиной обнаружили бомбу, которой хватило бы, чтобы разнести весь квартал. Если бы я открыла дверь и села за руль... меня уже не было бы. В испуге я выключила телевизор и зарыдала. Всего пара секунд, пара секунд отделяли меня от смерти – если бы в тот момент в цветочной лавке оказался покупатель, то продавщица не обратила бы внимания на меня... И еще одно проскользнуло в словах репортера – что автомобиль зарегистрирован на некую фирму, владельцев которой уже неоднократно подозревали в связях с террористическими группировками. Это удивило и испугало меня еще сильнее, хотя казалось бы – куда уж...

Я проплакала до вечера, никогда в жизни мне не было так страшно, как сегодня. Алекса не было... И я вдруг решилась на жуткую вещь, о которой впоследствии очень жалела. Я прошла в ванную и открыла тайник под кафельной плиткой в самом углу. О существовании этого тайника я узнала совершенно случайно – зашла в ванную, когда Алекс принимал душ, вернувшись из очередной отлучки, и застала его у открытой дыры в стене. Он тогда закричал на меня, велел стучаться, и я не придавала значения этому инциденту. Но сейчас мне стало любопытно – а что же именно было там, в стене?

Лучше мне было этого не знать...

Барселона, начало двухтысячных

Впервые я увидела Барселону в дождь. Первая встреча всегда запоминается, правда же? Вот вы помните, каким впервые увидели своего будущего возлюбленного? Сравнение это отнюдь не пустое, ведь город тоже может быть предметом пылкой страсти и длительной привязанности. Пожалуй, я бы сказала, что любить город гораздо проще, чем мужчину, – разочарования и ссоры случаются реже, обиды забываются быстрее, роман не приедается, новизна никогда не угасает, особенно когда город – такой, какой я увидела Барсу ранним мартовским утром.

В ту первую поездку я так и не застала в Испании яркого солнца, привычного местным жителям. Зато я чувствовала его мягкое прикосновение через постепенно просыхающие облака – они были подсвечены желтым откуда-то изнутри. Под дождь я больше не попадала – все мои вылазки и прогулки были просушены крепким морским ветром.

Мне никогда не был важен визуальный ряд – я воспринимаю мир через запахи и звуки. А этого в Каталонии в избытке. Как собака, я жадно вдыхала общеевропейский запах сладкого и чистого воздуха, к которому примешивалась свежая рыба, бензин, бесчисленные цветы и еще, еще что-то, трудно поддающееся определению. Ночами я лежала в постели, стараясь подольше не уснуть, чтобы впитать в себя звуки испанской речи с чуть картавым акцентом, шум моря, жужжание мопедов и мотоциклов – основного и любимого средства передвижения местной молодежи. С утра я всегда выходила на балкон или просто на улицу и окуналась в самый любимый на свете звук – утреннее воркование горлиц в лесу. Лес начинался сразу за нашим отелем – ухоженный сосновый бор на окраине маленького курортного городка, восемьдесят километров от Барселоны. Любой каталонский мало-мальски крупный город устроен так: набережная с возможным и даже вероятным пляжем, по другую сторону – променад с художниками и кафе, затем параллельно пешеходная улочка с крохотными магазинчиками, а перпендикулярно этой прибрежной черте город режет рамбла – тоже, как правило, пешеходная улица с лавочками, памятниками, платанами и, разумеется, – голубями. В любом городе рамбла упирается в море – такова простая и откровенная геометрия. Обычно в конце рамблы, на берегу, на пересечении с набережной, образовывается некоторая площадка – иногда это довольно большая площадь с огромным памятником Колумбу, как в Барсе, с круговым движением машин, вечными пробками и стоянками такси. Но чаще это просто милая круглая площадка с кафе и голубями, а в центре – фонтанчик или герб городка. Даже не зная языка, по рамбле можно легко ориентироваться в любом городе – прохожие всегда вам покажут, как туда выйти.

Тем, кто хочет узнать подробности, проще заглянуть в путеводитель. Я же всегда узнавала город сначала через собственные, весьма субъективные ощущения. Пальмы, агавы, фонтаны и кафе. Общее ощущение – расслабленность. Испанцы вообще никуда не торопятся, напряжение им чуждо. Но у меня было совсем иначе – я чего-то ждала. Ждала первого шага, как приглашения от мужчины. Взгляд я давно чувствовала на себе, поймала и удерживала. Следующий ход – за ним.

Любовь была повсюду. Кругом сидели и прогуливались целующиеся парочки, самой мне стоило лишь на секунду присесть одной на лавочку, как я сразу же окуналась в мужское настойчивое внимание. Флирт здесь что-то вроде национальной культуры, особенности характера, температуры крови. Мужчины прекрасны до такой степени, что знаки их внимания трудно воспринимать всерьез. Однако же каждый из них, предлагая незнакомке руку и сердце на пятой секунде общения, – не шутит, а говорит правду. Тут повсюду судьба, случай, опасность, незапланированные повороты и отчаянная неизбежность каждого из них. Случай подстерег и меня – как и каждого, кто этого ждет и жаждет.

Позже Испания стала для меня совсем другой. Я узнала ее яркие краски, безжалостное солнце, ощутила кожей всю любовь и всю боль, стала такой же расслабленной, поняла, почему здесь так легко убить от ревности. Потому что это – сама жизнь в ее сухом остатке, с выпаренной водой, без примесей и добавок, жесткая и пряная, с привкусом крови и трагедии. Поняла и полюбила местный танец фламенко, больше распространенный на юге, наконец, простила ему то, что меня смущало раньше, – в нем практически не участвуют бедра. Бедра – это латина, это секс и игра. Фламенко – это жизнь, страсть и отчаянная правда без всяких шуток. Кто боится – пусть сидит дома... А я – не стала...

Когда-то давно

Я с ужасом держала в руках пять паспортов. Раскрыв их один за другим, я обнаружила во всех одно и то же фото, принадлежавшее Алексу. Но вот имена и даже их национальная принадлежность были совершенно разными...

Что происходит, откуда эти паспорта, зачем они? В голове роились мысли, одна ужаснее другой, я растерянно перебирала паспорта и так погрузилась в себя и свои мысли, что не услы-

шала, как вернулся Алекс. Он вошел в ванную, сразу понял все. Да и что понимать, когда я стояла под открытым тайником, держа в руках паспорта...

Он ударил меня по щеке, швырнул документы обратно и за руку выволок меня куда-то. Я покорно шла за ним, не в состоянии возражать, сопротивляться. «Сейчас он меня убьет», – как-то совсем уж отстраненно и равнодушно думала я, даже не испугавшись.

Алекс притащил меня в подвал, где у него был оборудован винный погреб – ровные стеллажи, в которых полулежали бутылки с разными винами, несколько пузатых бочонков, пустые корзины, в которых ему привозили эти самые бутылки. В самом дальнем углу оказалась большая куча соломы, неведь как там очутившаяся, и прямо над ней в стене торчал большой подернутый слоем ржавчины крюк. Не отпуская моей руки, Алекс пошарил на одном из стеллажей и стащил с него длинную цепь с наручниками. Закрепив ее одним концом на крюке, другой он наручником прицепил к моему запястью.

– Извини, Марго. Это все, что я сейчас могу для тебя сделать.

Он толкнул меня на кучу соломы и ушел.

Я осталась одна в полной тишине и темноте. Даже не знаю, было ли мне страшно – скорее нет. Насколько я успела узнать Алекса, то по всем законам он должен был просто меня прирезать – и все. А он почему-то не сделал этого...

Потянулись дни в заточении. Алекс приходил ко мне трижды в день, кормил, разрешал прогуляться по подвалу, но наверх не выпускал. Первое время я отчаянно пугалась моментов, когда дверь начинала со скрипом открываться, – казалось, что этот миг может стать в моей жизни последним. Однако Алекс был даже дружелюбен и лишь однажды прорвался фразой:

– Если бы я не любил тебя так сильно, Марго...

Это убедило меня в том, что он ничего со мной не сделает.

В первые дни я искренне ненавидела его – за вранье, за заточение, да мало ли... А потом пришла жалость – и я поняла, что не могу злиться. Он такой же заложник, как и я. Только он заложник обстоятельств, о которых мне ничего не известно, а мое заточение рано или поздно закончится. И от этого мне стало даже легче. И в один из дней я притянула его к себе и поцеловала. Алекс посмотрел на меня с таким удивлением, что мне стало смешно.

– Марго...

– Что, дорогой?

– Как ты можешь, Марго?

– Я люблю тебя. Ты мой муж.

Он поднялся и молча вышел – скорее, выскочил, и я прекрасно поняла причину – в глазах Алекса стояли слезы.

Москва, начало двухтысячных

Это было еще до злополучной истории с захватом офиса. Именно тогда я и познакомилась с Мэри. Я искренне рада ее появлению, без нее уже не могу представить свою жизнь. Это все равно что оторвать кусок сердца, отрезать руку – да что угодно. Как членовредительство...

«Дружба» стала спонсором танцевально-спортивного клуба «Фокстрот», и мне волей-неволей приходилось иногда бывать на каких-то турнирах, помогать руководителю с костюмами, организовывать сборы и поездки. Во время таких вот летних сборов она и появилась. Их было несколько пар из какого-то сибирского города, но эту девушку я отметила сразу, уж слишком она выделялась своей осанкой даже среди стройных, подтянутых и гордо державших головы танцовщиц. Рыжие волосы до плеч, тонкие руки, длинные пальцы, изящные запястья. Голубые глаза, надменно взирающие на всех из-под чуть длинноватой челки. Весь вид словно говорил: «Да, все люди как люди. А вот я – богиня». Ее партнер не отходил ни на шаг, суетился вокруг, но я видела, что между ними нет и намека на интим. Это сразу чувствуется по

взглядам, по жестам, по каким-то милым мелочам. В этой парочке такого не наблюдалось – ровные отношения, скорее родственные, чем даже дружеские. Я почему-то начала исподтишка наблюдать за девушкой, благо возможности были – я поселилась на тренировочной базе, расположенной в нескольких километрах от небольшого подмосковного городка, и проводила там свой отпуск, совмещая приятное с полезным, так сказать. Отчего-то здесь мне хотелось вставать рано утром, распахивать настежь окно, вбирать в легкие свежий, пахнувший травой и озером воздух. Я даже начала совершать утренние прогулки, маршрутом совпадавшие с пробежкой танцоров. Заинтересовавшая меня девушка всегда бегала одна. Я часто видела ее, одетую в спортивный костюм. Длинные черные гетры, легкие кроссовки, волосы, забранные в высокий хвост. Она, казалось, не замечала ничего вокруг, в том числе и мою персону, и это было обидно. В конце концов, благодаря моей фирме здесь вообще что-то происходит! Не знаю, чем меня так зацепила сибирская танцовщица, но я решилась сама подойти и заговорить.

Случай выдался скоро. Я прогуливалась по корпусу – было дождливо, а мне нужно было непременно «намотать» свои километры – таким образом я решила похудеть хоть чуть-чуть. Мое внимание привлек голос, доносившийся из-за ближайшей двери:

– Макс! Ну, послушай! У меня заканчиваются деньги, машина в город будет только через два дня, я просто не смогу купить карточку! Макс! – вслед за этим раздался не то стон, не то всхлип, потом резкий звук чего-то ударившегося о стену, и вслед за этим – плач.

Я решила вмешаться в ситуацию – мало ли что случилось у человека за дверью, вдруг моя помощь придется кстати? Постучав и не получив ответа, я толкнула дверь и вошла. Удивлению не было предела – на кое-как закинутой покрывалом постели лицом в подушку лежала моя рыжеволосая незнакомка. На звук шагов она приподнялась на локтях и зло посмотрела в мою сторону:

– Что?!

– Простите... я подумала, что вам нужна помощь... – Я растерялась даже от такой реакции и не сразу нашла, что сказать.

– Помощь? – Она села и потянулась к тумбочке, на которой лежала пачка сигарет и зажигалка.

– Ну да. Просто вы плакали... что-то упало...

– Телефон.

– Что? – не поняла я, и она указала пальцем в угол, где на полу сиротливо раскинулись внутренности мобильного телефона. – А-а... если нужно позвонить – я могу дать свой.

– Не стоит. У меня нет ни желания, ни возможностей расплачиваться за вашу мобилу.

У нее был довольно высокий голос, мне такие раньше никогда не нравились, но почему-то именно сейчас это звучало едва ли не музыкой. Я рассматривала новую знакомую жадно, точно старалась впитать в себя каждую черточку, каждый изгиб тела. Меня неудержимо тянуло к ней, даже не понимаю, как так получилось. И это было не физическое влечение – я почувствовала в ней родную душу.

– Меня зовут Марго.

– Мария.

Даже имена у нас начинались на одну букву... Жизнь с Алексом приучила меня видеть какие-то знаки в любых, даже самых обыденных вещах, искать совпадения, намеки, сходства. В этой девушке оказалось слишком много меня...

– Не стойте, садитесь, – хмуро бросила Мария, пытаясь привести в порядок лицо.

Я осмотрелась – номер явно хуже моего, маленький, хоть и двухместный. Под кроватью, на которой сидела Мария, стояли ровным рядом несколько пар туфель и пара мягких джазовок, в которых я увидела два эластичных бинта, скатанных в рулончики.

– А вы давно танцуете? – поинтересовалась я, садясь на стул у большого, во всю стену, шкафа.

– Всю жизнь.

– А сколько вам лет?

Она посмотрела чуть удивленно, но ответила:

– Двадцать семь.

Старше меня на три года, а выглядит моложе лет на десять – вот что значит худоба и узкая кость... Почему она ничего не спрашивает в ответ? Неужели ей неинтересно, кто я? Но Мария молчала, задумчиво глядя в стену.

– Я тоже всегда хотела танцевать. Но вышло так, что играла в теннис, а теперь вот...

– Что – вот? – не отрывая взгляда от стены, спросила она, и я убедилась, что меня слушают.

– Вышло так, что я сама не танцую, зато помогаю другим делать это. Моя фирма – спонсор клуба «Фокстрот».

– И что – гордитесь собой? – чуть прищурившись и прикурив новую сигарету, поинтересовалась Мария, чем взбесила меня – что себе вообще позволяет эта девка?

– Да, горжусь! – ответила я с вызовом и встала, собираясь уйти. Вслед мне прилетело, как камнем:

– На будущее учтите – не за каждую помощь говорят «спасибо».

Я вылетела из номера, оскорбленная откровенным хамством и равнодушием. Меня, мягкую, податливую и открытую, очень часто обижали люди, но почему-то слова и поведение именно этой девушки ранили так больно, что захотелось плакать. Я даже не знаю, на что она сдалась мне, для чего, почему ее поведение так задело. Где-то внутри я чувствовала, что должна каким-то образом заставить ее остаться в моей жизни, стать близким человеком.

И тогда я совершила нечто запредельное, совершенно необъяснимое. Забившись в своем номере на кровать, я позвонила Алексу. Вообще-то я никогда не звоню ему сама – всегда только он решает, хочет ли говорить со мной. Но сегодня... я просто не знала, с кем мне поделиться своим горем – ну не с Ромой же...

Он долго не брал трубку, и я испугалась, что не носит с собой тот телефон. Но вот наконец раздался такой знакомый голос, до сих пор вызывавший во мне бурю эмоций:

– Что ты хочешь, Марго?

Вот так – ни «здравствуй», ни «привет, как дела?» – а сразу – «что ты хочешь, Марго?». Уже не знаю...

– Алекс... ты можешь говорить, я не отрываю тебя?

– Нет. Говори.

Господи, ну почему так сухо? Неужели действительно занят или просто не хочет говорить?

– Понимаешь, я... даже не знаю, как сказать... в общем, я встретила девушку...

В ответ раздался его смех. Я вдруг очень четко увидела эту картинку – как он сидит за столом в большом кресле, по привычке положив ногу на ногу – щиколоткой на колено – и смеется, чуть откинув назад голову.

– Ты спятила, Марго, – проговорил он, отсмеявшись.

– Ты не понял... Я встретила девушку – она очень похожа на меня, я чувствую. Не могу объяснить, но чувствую, понимаешь?

– Да. Что ты хочешь от меня, Марго?

– Не знаю. Она не обращает на меня внимания.

– А ты, безусловно, этого хочешь? – насмешливо спросил он.

– Хочу.

– Я-то чем могу помочь?

– Не знаю.

– Ну, вот когда узнаешь – тогда и звони. – Мне в ухо ударили гудки отбоя.

Черт... на что я рассчитывала? Что он бросит все и прилетит сюда? И дальше? Заставит эту рыжую сучку общаться со мной? Как? Силой? Смешно же... ладно, черт с ними – и с Алексом, и с Марией тоже. Пойду пройдусь немного.

Я вышла из номера и спустилась на первый этаж. Из конференц-зала доносилась музыка. Я прислушалась – танго. Вокал, немецкий язык. Не сумев совладать с любопытством, я открыла дверь и так и замерла – в зале работала моя Мария с партнером. Такого бешеного темперамента в худенькой девушке я предугадать не могла – от нее просто волнами исходила энергетика, заполняя все пространство зала. Партнер, высокий, темноволосый красавчик с выющимися волосами, вел ее в танце уверенно и властно, но это была лишь видимость – потому что на самом деле главенствовала Мария. Это было настолько очевидно и так прекрасно, что я невольно залюбовалась тонкой фигуркой в длинной черной юбке и обтягивающей маечке. Рыжие волосы убраны в гладкую прическу, никакого макияжа – но я почему-то ясно увидела, как она исполняет это танго в ярком сценическом гриме, в непременном черно-красном платье, без всяких пошлых роз в волосах. Она просто не могла быть банальной, не могла позволить себе какие-то обыденные прически или аксессуары – я это чувствовала.

– Мария, вас слишком много, приглушите эмоции – и станет лучше, – услышала я голос Володи – главного тренера «Фокстрота». Он сидел на краешке сцены и внимательно наблюдал за танцующей парой, однако я его даже не заметила, увлеченная образом девушки.

– Это не меня много – это партнера мало, – спокойно отозвалась Мария и, наклонившись, чуть задрала юбку и поправила бинт на колене.

Володя расхохотался, а партнер Марии только плечами пожал:

– Вот так и работаем. Это она просто с постановок перестроиться не сразу умеет, там-то как раз эмоции и важны, зритель тонкостей техники не видит, а вот окраску и чувства – подавай ему. Мы на турнирах горим иной раз поэтому.

– На турнирах мы горим потому, что ты в полноги на тренировках стал работать. Но это тема не для обсуждения на сборах, правда? – Мария насмешливо взглянула на партнера, и тот чуть смешался:

– Да ладно тебе...

– Без «ладно» прохладно, – фыркнула она. – Продолжаем, Владимир Сергеевич?

– Как пожелаете, мадемуазель, – рассмеялся Володя и спрыгнул со сцены. – Значит, так. «Перо»... – Дальше пошли неинтересные мне термины и долгое обсуждение, сопровождавшееся показом движений. В какой-то момент я вдруг поняла, что Мария меня увидела. Я почувствовала взгляд в упор, подняла глаза и застыла – она стояла прямо перед дверью и молча смотрела мне в лицо холодными голубыми глазами. Меня передернуло – так умел смотреть Алекс.

– Простите... я не хотела мешать...

– О, Маргарита Николаевна, проходите в зал, что ж вы в дверях-то! – это Володя заметил меня и тоже подошел к двери. – Заходите, не стесняйтесь, вы ж тут первый человек. Если бы не вы...

– Я пойду, пожалуй, – быстро перебила я начавшуюся благодарственную тираду – мне не хотелось, чтобы Мария видела, с каким подобострастием смотрит на меня главный тренер. Не знаю, почему, но мне это было неприятно.

– Нет-нет, останьтесь, посмотрите, вы нам не мешаете. – Володя чуть не силой втащил меня в зал, усадил в кресло. – Кстати, позвольте вам представить – это Мария Лащенко и Иван Переверзев, чемпионы Сибири, между прочим, по десяти танцам.

Иван отвесил мне шуточный поклон, а Мария даже не шелохнулась. Статуя, не женщина...

Они продолжили работу, а я замерла в кресле, не в силах оторвать взгляда от того, как они летят по паркету, как замирают на мгновение, как Мария нервно передергивает плечами в такт ударам музыки, как выбрасывает вперед ногу в маленькой бальной туфельке с истертым

носком, как Иван опускает ее на паркет в самом конце танца, а потом резким рывком ставит на ноги, прижимая к себе. Это зрелище заворожило меня настолько, что я не заметила, как закончилась музыка, как танцоры исполнили прощальный поклон тренеру, и только легкое прикосновение руки к плечу вернуло меня к действительности:

– Так и будете здесь сидеть, леди спонсор? – Мария держала в руках туфли и насмешливо смотрела на меня.

Я поднялась и оказалась выше ее на добрых двадцать сантиметров – девушка в тапочках оказалась совсем невысокой относительно меня.

– Мне безумно понравилось, как вы танцуете, – искренне призналась я, и в холодных глазах Марии блеснуло что-то похожее на удовлетворение.

Когда-то давно

Я провела в подвале два месяца. Если сейчас скажу, что это были лучшие два месяца в моей жизни, меня сочтут сумасшедшей. Но я на самом деле была счастлива. Алекс проводил со мной времени едва ли не больше, чем раньше, относился с какой-то прежде неведомой нежностью. Мне казалось, что его гложет вина за то, что он запер меня здесь.

– Понимаешь, Марго... если быть честным, то я должен убить тебя, – сказал он мне как-то, лежа рядом со мной на соломе и покусывая длинный стебель, выдернутый из кучи. – Но я не могу этого сделать.

– Почему?

– Потому что люблю тебя, – просто ответил он, поворачиваясь на живот и начиная водить кончиком стебля по моей щеке. – Люблю и не могу потерять.

– Тогда зачем я здесь?

– Так нужно, Марго, поверь.

Я верила ему – верила безоглядно и бесповоротно. «Стокгольмский синдром» в моем случае оправдывался любовью – той любовью, что связывала меня с Алексом еще до того, как он запер меня в подвале.

– Ты... никогда не объяснишь мне? – спросила я однажды, и он покачал головой:

– Нет, Марго. Для твоей же безопасности. Поверь – так лучше. И еще я хотел, чтобы ты знала – даже если меня не будет рядом физически, я все равно с тобой. И что бы ни случилось – можешь рассчитывать на мою помощь и поддержку. Я никогда тебя не брошу.

Мне даже в голову не пришло насторожиться от этой странной фразы, а надо было...

Москва, начало двухтысячных

Мой вынужденный отпуск закончился. Я вернулась в Москву, немного восстановив нервную систему и вообще отдохнув. «Золотая улица» еще держалась на плаву, отчаянно пытаясь сохранить репутацию и «лицо». Но машина уничтожения уже была запущена, и, по всей видимости, заинтересован в этом был кто-то «наверху». Проверки объектов, визиты сотрудников прокуратуры в офис – когда там не было босса, откровенная травля в газетах. Я боялась открывать глаза по утрам – Рома тут же совал мне в лицо очередной номер «Коммерсанта» с пугающими заголовками. Мои попытки договориться со знакомыми журналистами не приводили ни к чему – словно мухи на мед, они налетали на сенсацию, додумывая и перевирая факты.

Нас уничтожали медленно, со вкусом, смакуя каждый миг краха довольно крупной компании. Босс не вылезал из Швейцарии, мы с Геной, как могли, отбивались – но все попытки терпели неудачу. Я снова стала нервной и истеричной, срывалась на Рому, то и дело выставляя его из дому и обвиняя во всех смертных грехах. В довершение всего я вдруг обнаружила за собой слежку. Да-да, самую настоящую слежку. Все походило на безумие, на бесконечный, каждодневный кошмар, когда с утра не знаешь, вернешься ли домой вечером. Надо ли говорить, в каком состоянии я была в эти дни...

Удар по затылку застал меня врасплох – ну, еще бы... Открыв глаза через какое-то время, я поняла, что сижу в машине, связанная по рукам и ногам, с заткнутым ртом. С водительского сиденья в ответ на мои попытки освободиться раздалось:

– Не ерзай. Уже приехали.

С перепугу я не успела разобрать, как выглядит тот, кто вез меня, – рывком открыв дверь, он ловко натянул мне на голову черную шапочку, закрыв лицо, и поволок куда-то. Я поняла только, что мужик не из хилых – все-таки при росте в сто восемьдесят сантиметров весила я около восьмидесяти килограммов. Меня усадили на стул, выдернули кляп, однако шапку не сняли, и через какое-то время я услышала мужской голос:

– Значит, так. Если хочешь пожить, слушай внимательно. Через неделю к тебе на улице подойдет человек, и ты отдашь ему весь компромат, что есть у тебя на босса. Поняла?

– У меня нет никакого...

– Я сказал – заткнись и слушай. Напишешь все, что знаешь, о его махинациях. Особенно меня интересуют сделки по покупке предприятий, имеющих отношение к ядерной энергетике. Мне стало дурно...

Об этой стороне деятельности босса я знала, более того – пару раз помогала ему в проведении сделок. Петля на шее затягивалась – причем это была моя шея.

– Ты все поняла?

Меня парализовало от страха, я не могла сказать ни «да», ни «нет», не могла даже кивнуть. Но больше вопросов не последовало, меня снова поставили на ноги и повели, а затем и повезли.

Номер машины, из которой меня вытолкнули на тротуар, я не увидела – стояла дождливая, грязная осень, естественно, что цифры заляпаны. Да и что бы мне это дало? Господи, как влипла... Мне захотелось сесть прямо на мокрый тротуар и зарыдать. В голове зашумело, видимо, стало подниматься давление, я побрела в сторону дома, стараясь удержаться в сознании и не упасть. До квартиры оставалось буквально двадцать шагов, когда за спиной раздалось:

– Поздно гуляешь, – и этого я уже не вынесла – упала в обморок прямо на несвежий кафель лестничной площадки.

...Он сидит у окна в белом свитере. Смуглую кожу белое оттеняет, его комната и так как больница. Здесь и есть больница. За его спиной открытое окно – все в зелени, значит, мы на третьем или четвертом этаже. Раньше он никогда не сидел спиной так близко к открытому окну, а сейчас расслабился. Значит – мы в безопасности.

Как приятно разглядывать его, зная, что он этого не замечает – уткнулся носом в «Ведомости», они розовые, и этот цвет меня раздражает. Он как всегда свеженький – интересно, давно ли тут? Немного отросла щетина – значит, сутки. Он складывает газету, а я, боясь встретиться с ним взглядами, тут же возвращаюсь в исходное положение и только сквозь ресницы вижу, как он выходит в коридор и плотно закрывает дверь.

Кажется, я впадаю в дремоту, как всегда у меня происходит под капельницей. Раньше я ее боялась – острой иглы, которая постоянно находится в вене. Но теперь это уже не имеет никакого значения, как и все прочие страхи – на них просто не хватает сил. Из коридора слышны какие-то голоса, но слов я различить не могу. Дверь открывается, входит медсестра. Я ясно слышу, что он с кем-то ругается, кого-то как будто прогоняет, но она снова закрывает дверь и переключает мое внимание на себя. Она похожа на актрису Нину Гребешкову – приятная немолодая блондинка, небольшая, внушающая ощущение покоя и веры в выживание человеческого рода. Она все время чуть улыбается, хотя глаза у нее уставшие и озабоченные. И тут я спрашиваю, как всегда, ввергая несчастную жертву человеколюбия в шок:

– Скажите – у вас все в порядке? Мне кажется – нет.

Выражение ее глаз меняется, она испуганно смотрит на меня несколько секунд, а я продолжаю:

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

Она тихо и невесело смеется:

– Тихо, деточка, сейчас вторая докапает, и все вынем. – И потом, через большую паузу добавляет, усмехаясь: – Муж ваш приехал. Там этот-то не пускает его. И что за жизнь такая пошла непонятная...

В моей голове всегда крутятся какие-то мысли. А сейчас вот – не крутятся, остановились. Мне просто хорошо оттого, что он рядом, оттого, что он мне улыбается своими чудесными полными губами, что он небрит – а значит, был со мной здесь. Иногда я думаю – а зачем я ему нужна? Тот факт, что я недостойна его, очевиден всем. Всем – кроме него. Или только мне? Почему я полюбила его так сильно? За красоту ли, за «мужскую энергетику», как говорит моя мама? За что?

Как вовремя он появился, какое счастье, что это был он – а не кто-то из тех, кто угрожал мне. Почему я здесь, что случилось? Пытаюсь спросить медсестру, но та только качает головой:

– Вы отдыхайте, потом все узнаете.

– Позовите... позовите его, пожалуйста... – Губы не слушаются, очень хочется пить.

Он возвращается, плотно прикрывает дверь, бросает беглый взгляд на капельницу. На лице – абсолютно никаких эмоций, даже намек. Я едва успеваю прикрыть глаза, но почему-то мне кажется, что от него скрыть что-либо просто невозможно. От этого должно быть неуютно, но мне почему-то спокойно, когда он рядом, такой невозмутимый. Словно и не было ничего, никаких разборок в коридоре, он не срывался на крик, не угрожал, не боялся сам... Словно мы не в больнице, а на пляже. Он невозмутимо садится в любимую позу – ногу на ногу щиколоткой на колено – и разворачивает газету. Только она у него перевернута...

– Алекс...

– Что? – Он отрывается от якобы чтения и смотрит на меня.

– Спасибо...

– Помолчи.

Эти властные нотки в голосе, этот непререкаемый тон, господи... Почему, за что жизнь разделила нас и теперь никак не желает свести обратно насовсем, а сводит вот так – по случаю? Может, потому, что я не смогла преодолеть себя, не смогла простить? А он – смог? Он – смог простить мне скоропостижный брак с Ромой? Не знаю. Но, видимо, осталось что-то, что заставляет его чувствовать мои неприятности и появляться в тяжелые моменты.

Когда-то давно

Сборы в «Фокстроте» завершал гала-концерт – это стало доброй традицией. Я активно участвовала в подготовке, но даже себе боялась признаться, что делаю это вовсе не потому, что мне нравится, а потому, что это возможность быть постоянно рядом с Марией. Она стала чуть мягче, достаивала разговорами за чашкой кофе, улыбалась утром, встречая меня во время пробежек. Мне нравилось открывать в ней новые черты. Выяснилось, что не такая уж она и стерва, какой выглядела. Она почти не улыбалась, но когда делала это, ее лицо становилось совершенно иным – мягким, привлекательным и очень открытым. Хотя и в ее стервозности был шарм, чего уж. За ней волочилась добрая половина танцоров и кое-кто из тренеров «Фокстрота», однако Мария никого не удостоила вниманием, не говоря уж ни о чем другом. Я уже знала, что дома ее ждет любимый мужчина – травматолог Максим, с которым они живут вместе уже несколько лет. Кстати, с этим самым Максимом они довольно часто ссорились, хотя и ненадолго. Телефонные разговоры отнимали у Марии почти все свободное время, и мне даже было любопытно, откуда берет деньги эта явно не суперобеспеченная девушка, чтобы оплачивать словесные баталии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.